

Дмитрий Григорьев спасётся на любом острове и легко выживет на самой отдалённой планете при наличии кислорода, воды, еды и ценящих прекрасное гуманоидов. Это не кабинетный филолог, а человек, освоивший около двадцати профессий. Он изучал химию (в частности, язык насекомых), был бетонщиком, плотником, мозаичником, оформителем, аспирантом, старшим лаборантом, старшим лейтенантом (ликвидатором последствий аварии на ЧАЭС), журналистом, копирайтером, редактором, стекломоем, оператором газовой котельной. Кроме того, Дмитрий – путешественник и, конечно, поэт. Причём, мне кажется, что в случае Дмитрия Григорьева слово «поэт» должно предшествовать названиям всех вышеперечисленных специальностей.

Д. Л.

* * *

...тот, кто уходит из дома, чтобы найти дом,
тот, кто собирает подонков по пьяным углам,
тот, кто называет безделье трудом, тот, кто не делится пополам,

тот, кто ищет светильник, не умея читать,
тот, кто вычерпывает из лужи лунное серебро
тот, кто в окнах видит возможность летать,
тот, кто не может разделить добро и зло,
тот, у кого внутри живёт странный зверь,
тот, кто всегда переключает программы,
тот, кто уходит из дома, забыв закрыть дверь,
тот самый.

* * *

Я нашел
чужие стихи
между страницами Фабра издания прошлого века,
где жуки и кузнечики прошлого века,
где не вянут цветы и стебли травы упруги,
чужие стихи
на странице тетради в клетку,
в клетках, решётки которых уже растворило время,
стихи о коробке вагона,
где люди – цветные спички,
но я знаю, спички сгорели,
там только жук копошится
завтра дети отпустят его на свободу.

* * *

Не говорите мне гадости,
не пожимайте плечами,
я прокладываю трубы радости
в земле печали.

Радость под высоким давлением
очищенная от примесей
скоро поступит конечному потребителю –
осталось заварить пару швов.

Вдруг приходит представитель заказчика
в клетчатом пиджаке с нарукавниками
и требует установить
на выходе счетчик и вентиль.

Но я ставлю на выходе ветер,
ведь я не Газпром, и радость – не газ,
скоро она пойдет по планете
чтобы радовать вас.

СЕЗОН ОХОТЫ

Красной повязкой закрой мне глаза,
дай колокольчик с голосом льда,
время, в котором беспечный ездок,
облаком-рыбой ушло на восток,

много волков стало в наших лесах:
не пой мне про ветер и ось колеса,
скрипящую словно последний сверчок,
лучше цилиндр чем чок получок –

охотник шагает по мокрой траве:
свинец в облаках, свинец в голове,
и там, где черемуха раньше цвела
свинцовые пчелы летят из ствола.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Мой сбитый сон, меня не мучай,
лети со свистом как снаряд,
срываясь вниз в своей падучей,
выстраивая словоряд

там, где владелец тайной лиры
сомненья мира растолок
в тиши большой пустой квартиры
где выше неба потолок,

где сон, отброшенный с кровати,
летит в своё небытие,
где девы нежные объятья,
дыханье легкое её...

ВОЙНА

Сказали соседи,
когда погиб твой последний сын,
сказали соседи,
ты разбила голову о камни,
но он вернулся,
пусть в карманах пепел
и в голове ветер,
я – твой последний сын.

По высокой воде
в деревянной лодке,
по высокой воде,
самой высокой на свете,
помнишь вот эту родинку,
эту отметину...
Лист подорожника в моей руке
останавливает кровь,
и рана на твоём виске
такая же как у меня в сердце.

Мы вместе сядем за стол –
отец и твои сыновья,
за старый дубовый стол,
все твои сыновья:
каждый из нас долго шёл,
но никто не забыл дорогу домой,
даже последний,
даже я.

Но почему ты лежишь,
под белым снегом,
лежишь на столе
словно зима в нашем доме,
и для какого пира
эти чёрные птицы
тебя украшают цветами!

Почему муравьи и мухи –
такая мелочь,
но муравьи и мухи
нам не дают веселиться,

пить вино и водку,
петь о победе.

* * *

Говорят, что северный полюс
найти невозможно,
он всё время смещается,
но я уверен,
если как следует поискать,
вывернуть все карманы,
вытряхнуть сумку,
он обязательно найдётся.

Так, однажды, совершенно случайно,
на заправке по дороге
в Москву
на фестиваль свободного стиха,
выкладываю из кармана
в пластмассовое блюдце
всякую мелочь,
чтобы взять американо с молоком
и... Вот он, пожалуйста!

– Как вам не стыдно, –
говорит продавщица, –
уберите это сейчас же,
я вам и бесплатно
налила бы кофе,
только не надо вот этого,
вы бы ещё земную ось
сюда притащили...
А я и не хотел
его показывать.

Из-за таких как вы, –
говорит продавщица, –
к нам на помойку
стали приходить белые медведи,
из старой советской песни
где мимо летят столетья, мимо бегут года,
а время, между прочим,

тоже хищник,
пострашнее медведей,
не брезгует и человечиною:
вчера вечером
съело
водителя фуры,
теперь она стоит на парковке
полная белого порошка
и светится...
Куда её деть?

Так что валите отсюда, –
говорит продавщица, –
со своим полюсом и медведями,
пока они всех клиентов
не распугали.

Что делать...
Выпил кофе,
поехал дальше,
правда, потом снова потерял этот полюс,
но я уверен,
если как следует поискать,
вывернуть все карманы,
вытряхнуть сумку,
он обязательно найдётся.

ПЕСНЯ АВТОСТОПЩИКА – 85

Объездные распустили,
обмотали города,
я стою дорожным знаком,
не уехать никуда,

на обочине побочной,
в стороне от всяких дел,
ноги – корни, руки – ветки,
я от пыли поседел,

но внутри меня дорога
широка и далека
всё несёт меня по свету
как младенца на руках.

* * *

Она говорит о другом,
об этом другом и о том,
смахивает со стола огонь
словно крошки в ладонь
бросает под ноги:
там в темноте,
где неясный потом
урчат и чавкают боги.

Она кормит их молоком,
тёмным ночным молоком,
чтобы каждый стал снова собой:
медведь в колпаке звездочёта,
белый олень и чёрный
ворон с железными крыльями
и золотой трубой.

* * *

Широка страна моя,
в темноте её края,
а глаза её пусты,
и слова её просты:

Вот осина –
на ней Иуда,
вот ворота –
на них щит,
вот голова
украшает блюдо
и бороду топор-щит...

История тихо
за нами идёт,
в крови и сперме
её алый рот,
а обернёшься
станешь столбом
смело в ногу, товарищ Лот!

Широка страна моя,
В темноте её края,
на горе столбы стоят:
это – ты, а это – я.

СТАРЫЕ СКАЗКИ

Спой мне о любви,
о девушке, танцующей для царя,
о том, как отрубленная голова
говорила ей такие слова:
«спрячь птичьи кости
в правый рукав,
и лебеди вылетят из него,
спрячь мои кости в левый рукав,
чтобы снова я стал живой».

А ещё старый добрый шмель
не успевший найти свой дом,
пока не выветрился весь хмель
спой песню о том,
как мельница крутит свои жернова
соль выжимая из слёз,
на крышке её – твоя голова
потерянная всерьёз...

Но парень ломает нож отца
о камень, запечённый в хлеб,
жернова крутятся без конца,
и волки заходят в хлев,
девушка взмахивает рукой –
кости из её рукава
летят словно стрелы в людей –
весной прорастёт трава
сквозь тех, кто ждал лебедей.
Первый парень на этом селе
однажды сбился с пути,
и не к чему копать в золе,
пытаясь в ней что-то найти.

Она идёт от страха к страху,
а страхи следуют за ней,
не поможет ей рыцарь ночи,
не вылечит мастер дней.

Но я знаю слово Осташков,
надо просто сказать: Осташков!
И станет совсем не страшно,
там не может быть страшно,
там нет метафизической пустоты,
там кружева на окнах
и в каждом доме цветы.

Что дальше будет – я не знаю,
но в полутьме, за льдом стекла
её судьбы нить кружевная
– белым бела.

ГРИБ СУДЬБЫ

Вчера Арсен Мирзаев рассказал о шамане
по имени Вова,
этот шаман,
когда прошел земную жизнь до половины
в сумрачном лесу нашел Гриб судьбы.

– Шаман Вова –
настоящий воин, –
сказал Арсен, –
не то, что шаман Саша,
застрявший в Чите,
да и Гриб судьбы – такая штука,
что с ним легко пройдёшь любые кордоны,
что там спецслужбы,
даже зомби гибнут от одного его вида,
а, как ты знаешь,
убивать мертвецов трудно.

– Шаман Вова, между прочим, – добавил Арсен,
в своем шаманском кругу,

известен, как актуальный поэт,
пишет верлибры
о девяти подземных мирах,
жутких мирах –
один страшнее другого
Вова побывал в каждом
и вернулся обновлённым,
и всё потому
что у него был Гриб судьбы.

Гриб судьбы, как написано в интернете,
очень опасен,
после его взрыва,
не остается ничего
кроме вселенского кратера,
где невозможно ни дерево посадить,
ни дом построить,
разве что только
организовать пруд
с золотыми рыбками.

* * *

Я строил свой дом
кирпич к кирпичу,
но теперь почему-то
в нём жить не хочу,

теперь перламутр
зари за окном
гораздо важнее
чем весь этот дом.

* * *

Ты говоришь: вот я.
ты говоришь: вот моя семья
вот мой дом,
протягиваешь паспорт
На котором фотография
серьёзного человека.

Никаких улыбок,
никаких эмоций,
разве это – ты?

Ты говоришь: вот душа моя,
когда-то доктор МакДугалл,
даже вычислил её вес...
Но разве она сотрясает воздух,
когда ты говоришь:
вот душа моя.
Твои слова – чужие,
мышцы гортани,
крыловидные мышцы,
жевательные мышцы,
мимические мышцы –
они тоже не твои,
нет у тебя ничего своего,
тело взято тобой в аренду,
собрано из молекул
которые снова станут водой
углекислым газом,
и ещё – немного солей
кальция, натрия, калия, магния,
золота только следы
и следы тяжёлых металлов
украденных печенью
из окружающей среды,
но ты говоришь
вот душа моя,
говоришь ты.

* * *

И тот, кто не знает куда идёт,
и тот, кто знает куда идёт,
не знает куда идёт.
А я иду по Чайковского в гости к Полонским,
простой как двоичный код.
Говорят, выход светел и тёмнен вход,
но это меня никак не ...,
я пинаю ногами пустую пивную банку,
напеваю: «легалайз, винный супермаркет,

В школе жизнь мне отдалась за последней партой,
можно выполнить откат до исходной точки
и исправить этот мир, дописав две строчки...»

Я захожу в супермаркет,
покупаю бутылку вина:
восстановление возможно
и смерть не страшна!